

ТРАНСКРИПЦИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ΔΙΟΓΕΝΗΣ ΛΑΕΡΤΙΟΥΣ-Diogenes Laertius

Это наименование в русской транскрипции встречается в четырех видах: «Диоген Лаэртций», «Д. Лаэртий», «Д. Лаэртский», «Д. Лаэртийский». Какую транскрипцию следует считать правильной?

Сразу уже ясно, что первую, «Д. Лаэртций», надо отвергнуть: это—транскрипция не греческого, но латинского слова, да **и** что неправильная: уже элементарная латинская грамматика учит, что слог *ti* перед следующим гласным в греческих словах произносится как «ти», напр. *Boeotia*.

Остается выбор между «Д. Лаэртий» и «Д. Лаэртский» (или «Лаэртийский»). Тут выбор зависит от решения вопроса, что такое *Λαέρτιος*. Обыкновенно считают это слово прилагательным, произведенным от названия города *Λαέρτη* в Киликии, предполагая, что Диоген был уроженцем этого города. Так, в старой *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* Августа Паули (Pauly), т. II, стл. 1046, сказано, что «Диоген получил это имя или от города Лаэрты в Киликии, который следует счи-

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889 и 1891 гг., МАР, вып. 9, СПб., 1892, стр. 13.

² М. И. Р о с т о в ц е в, Новая книга об острове Белом и Таврике, ИАК, вып. 65, II., 1918, стр. 167.

тать его родиной,—и это кажется более вероятным,—или от римского рода Лаэртиев коль скоро один из предков Диогена получил это имя своего римского патрона и перенес его на своих потомков».

В старых изданиях словаря Любкера (Lübker) *Reallexikon des classischen Alterthums* Диоген также определяется как «Д. из Лаэрты в Киликии» (стр. 306 издания V, 1877). В петербургском переводе этого словаря он назван «Д. Лаэртийский, уроженец киликийского города Λαέρτη» (стр. 407), а в московском переводе «Из Лаэрты в Киликии» (стр. 311).

В большой Истории греческой литературы Круазае сказано о нем: «Точная форма его имени сомнительна. Он назывался, может быть, Диоген Лаэртиос, но более вероятно просто Диоген, уроженец Лаэрты в Киликии» (т. V, стр. 849, 1899 г.).

В русском переводе сокращенной Истории греческой литературы Круазае, сделанном под редакцией С. А. Жебелева, он назван «Лаэртий Диоген» (стр. 704).

В Истории греческой литературы Криста (3 изд. 1898 г.) он назван «Laertius Diogenes», и сделано след. примечание: «Чтение колеблется в рукописях самого Диогена и у Стефана Византийского, 239, 15 М. между Λαέρτιος Διογένης и Διογένης Λαέρτιος; у Стефана Виз., 695,7 стоит Διογένης ὁ Λαερτιεύς. В первом случае Λαέρτιος относится к римскому роду, в который был принят он или один из его предков, во втором—к городу, Лаэрте в Киликии, из которого он происходил» (§ 514; стр. 707).

В *Onomasticon totius latinitatis* Форчеллини-Де-Ви (Forcellini-De-Vit), изданном в 1887 г., под словом Laerte сказано: «Urbs Ciliciae, sive castellum, ... Diogenis, hinc Laertii dicti, philosophorum biographi, patria» (т. IV, стр. 23).

В словаре греческих собственных имен Пэпе-Бенселера (Pape-Benseler, 3 изд., 1875 г.) также сказано под словом Διογένης: «ὁ Λαέρτιος или (St. B., Χολλεϊδῆ) также ὁ Λαερτιεύς, из Лаэрты в Киликии, писатель» (стр. 302).

Сандис (J. E. Sandys) в своей «Истории классицизма» (*A History of classical Scholarship*, 1903 г., стр. 332) и в «Краткой истории классицизма» (*A short History of classical Scholarship*, 1915 г., стр. 84) называет его «из Лаэрты в Киликии».

Кроль (W. Kroll) в «Истории классической филологии» (*Geschichte der klassischen Philologie*, 1909 г., стр. 40) называет его «Диоген из Лаэрты».

Не привожу цитат из более популярных сочинений.

Как видно из приведенных ссылок, общепризнанным мнением ученых нового времени было то, что Диоген назывался Λαέρτιος или Λαερτιεύς потому, что происходил из города Лаэрты в Киликии. Производство Λαέρτιος от римского рода нашло мало сторонников.

Производство Λαέρτιος от названия города Лаэрты основано на свидетельстве Стефана Византийского, который в своем географическом словаре, дошедшем до нас в извлечении, в двух местах упоминает Диогена как автора φιλοσόφου ἱστορίας, причем в одном месте (под словом Δριδῆ) называет его Λαέρτιος Διογένης (с разночтением в некоторых рукописях—Διογένης Λαέρτιος), в другом месте (под словом Χολλεϊδῆ)—Διογένης ὁ Λαερτιεύς¹. Под словом Λαέρτης Κιλικίας χωρίον сказано: τὸ ἐθνικὸν Λαερτινός, ἄμεινον δὲ Λαέρτιος. Из этого видно, что Стефан производил прозвище Диогена Λαέρτιος от названия киликийского города Λαέρτης (иначе Λαέρτη), как, несомненно, и Λαερτιεύς,—с таким же этническим суффиксом, как например, Ἐρετριεύς от Ἐρετρία, Σταυριεύς от Σταυρία.

Другое производство слова Λαέρτιος дается в новой обработке энциклопедического словаря Паули, сделанной Георгом Виссова (Wissowa), т. V, стл. 738. Здесь сказано следующее: «Diogenes Laertios. Начиная с эллинистической эпохи, в ученых кругах у филологов и философов было в обычае прибавлять к имени, особенно если оно было очень обыкновенное, насмешливое прозвище (Spitznamen): Δημήτριος Ἰξίων, Διονύσιος Ἐκτοβραχίων, Διόδωρος Κρόνος, Ἀθηνόδωρος Κοροδλίων. Образованное из гомеровского διογενὲς Λαερτιάδῃ, σημείον (см. Wilamowitz, *Philol. Unters.*, III,

¹ В третьем месте (под словом Ἐνεσσί) Διογένης поставлено без определения.

163; Herm., XXXIV, 629) относится к этой категории, но окончанием, свойственным таким signa и σημεία (Mommson, Herm., XXXVII, 443 и след.), показывает, что Диоген, который дал себе или получил это отличительное название (Distinctiv), не мог жить раньше III века после Р. X. Уже Стефан Виз. *λίβω* привел слово Laertios в связь с карийским городом Λαέρτη..., вследствие чего старые филологи нередко цитируют «Д. из Лаэртъ»; лжива также форма Λαέρτιος Διογένους, которую дают рукописи и Сопатр (Phot. cod., 161, p. 104 a 2); напротив, лемматист (VII, 95) и корректор (VII, 620) Палатинской антологии пишут Διογένους Λαέρτιος, последний, впрочем, также Λαέρτιος Διογένους¹ (Схол. к VII 89).

Эта статья, повидимому, основана на цитированной здесь заметке Виялямовица в его Philologische Untersuchungen, III Heft, 1880, «De biographis Graecis quaestiones selectae», стр. 163². Здесь Виялямовиц в «Письме к Эрнсту Массу» (на латинском языке) говорит следующее: «Время жизни Диогена неизвестно. Но так как он жил во всяком случае раньше Диоклетиана, то скорее следует отнести время его жизни к концу века, чем к началу, на что, повидимому, указывает его имя. Я не верю, что надо следовать писцу³ Стефана Византийского, который понимал Λαέρτιος Διογένην в смысле «происходящий из Лаэртъ»; а над теми, которым приснилось (somniauerunt) какое-то родовое римское имя, смеюсь. Я его назвал Диогеном и буду продолжать так называть, хотя ты зовешь его Лаэртием. Мы следуем только велениям разума..., а разум учит, что имя этого грека было «Диоген», а прозвище было «Лаэртий», образованное от гомеровского Λαέρτα, подобно Несториям, Геаκτακίαι, Πλατωνίαι и другим бесчисленным прозвищам, которые мы находим или в истории, или на камнях, дающих этим прозвищам определенное место⁴, или в нашей обыденной жизни (consuetudo): ведь Евгении, Георгии, Григории и (женские

¹ Кажется, тут есть неточности: по крайней мере, по изданию Штадтмюллера, в VII 620 Διογένους Λαέρτιος есть лемма (а не поправка корректора), и нет указания на различие Λαέρτιος Διογένους. — В схолии к VII 89 написано Διογένης ὁ Λαέρτιος.

² Что касается ссылок на Hermes, XXXIV, 629 и Hermes, XXXVII, 443 и след., то они для данного вопроса не имеют значения. В Hermes, XXXIV, 629 разумеется коротенькое замечание в скобках в статье Виялямовица «Lesefrüchte» о том, что правилен порядок слов Diogenes Laertius (а не Laertius Diogenes). В Hermes XXXVII, 443 и след. разумеется статья Моммзена «Sallustius = Salustius und das signum». В ней автор говорит об употреблении так назыв. signum (по гречески σημείον). В императорскую эпоху нередко к именам прибавлялось signum, нечто вроде прозвища, которое отличалось от cognomen, например: C. Antonius Zosimianus signo Dalmatius. Суффикс этого signum был по большей части ius. Ссылка на эту статью, вероятно, нужна была для того, чтобы доказать, что Λαέρτιος (с суффиксом—ιος) могло быть таким signum при имени Διογένης, — могло, но не должно было. А между тем, как сказано в этой статье, signum было в употреблении главным образом в латинской половине империи, и то преимущественно в знатных классах.

³ «Scribam Stephani Byzantii». Как это понимать? Повидимому, Виялямовиц думает, что свидетельство в лексиконе Стеф. Виз. исходит не от самого Стефана, а от переписчика его сочинения. Какое же основание для этого? См. еще примечание 2 на стр. 207.

⁴ Повидимому, Виялямовиц спорит со своим корреспондентом Массом, который ставит «Лаэртий» перед «Диоген». Он здесь и указывает, что signum ставится после имени. См. вышеприведенную выписку из статьи Моммзена в т. XXXVII Гермеса. — Как видно, он представляет процесс образования слова Λαέρτιος иначе, чем автор статьи в Энциклопедии Виссова. Он хочет сказать, что Λαέρτιος образовано прямо от Λαέρτης посредством суффикса ιος, подобно тому, как Πλάτωνιος образовано от Πλάτων, Νεστόριος от Νεστόρ и т. д. А автор той статьи видит в Λαέρτιος реминисценцию выражения διογενες Λαερτιάδης.

имена) Стефании, Иларии, Макарии ведут начало от тех веков. Но прозвище (Диогена), если не ошибаюсь, указывает скорее на время Клавдия, чем Каракаллы¹.

В VIII (совершенно переработанном) издании словаря Любкера 1914 г. имеется краткая заметка на стр. 294: «D. Laertios (a не из Laerte)».

Сущность этих новых мнений о происхождении слова Λαέρτιος заключается в следующем. Слово это не происходит от названия города Λαέρτη(ς), как прежде думали, но есть прозвище, возникшее из реминисценции гомеровского выражения διουγενὲς Λαερτιάδῃ или произведенное прямо от имени Λαέρτης.

Оснований против традиционного производства ни Вилиямовиц, ни его последователи не приводят никаких: Вил. лаконически говорит, что он не верит писцу Стефана Виз., считавшему Диогена уроженцем города Лаэрти². Автор статьи в Энциклопедии Виссова еще более кратко, одним лишь словом, отвергает традиционное производство: оно «л ж и в о» (falsch). Едва ли кто может признать достаточным доказательством лишь то, что это «сам сказал» с его голословным скептицизмом.

Что же приводят Вилиямовиц и его последователи в доказательство своей гипотезы? Тоже ничего кроме того, что было в обычае у древних ученых давать прозвища. Но этому можно противопоставить другой обычай древних (вероятно, даже более распространенный)—прилагать к имени человека эпитет, указывающий на место его происхождения: сколько таких эпитетов видим мы хотя бы в начале Анабасиса Ксенофонта: Ζηνίς Παράσιος, Κλέρχος Αχαιδιμόνιος, Ἀριστίππος Θεσσαλός, Πρόβενος ὁ Βοιωτίος, Σοφρίветος ὁ Στομφαλίος, Σωκράτης ὁ Ἀχαιός, Πάσιων ὁ Μεγάρως и др. Вот такие же эпитеты ученых и писателей: Гераклит Эфесский, Аристофан Византийский, Аполлоний Родосский, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Лукиан Самосатский, Ксенофонт Эфесский, Стефан Византийский и т. д. Так почему же Диогену было не называться Лаэртиским? Если бы Вилиямовиц доказал, что Диоген не мог быть уроженцем города Лаэрти, это было бы доказательством несостоятельности традиционного производства; но он этого не мог доказать.

Вилиямовиц указывает еще на суффикс ιος, посредством которого Λαέρτιος произведено, по его мнению, от гомеровского Λαέρτης. Но ведь с таким же правом это слово могло быть произведено посредством того же суффикса и от названия города Λαέρτη(ς).

Против возникновения этого слова путем реминисценции известного гомеровского διουγενὲς Λαερτιάδῃ до некоторой степени говорит следующее соображение. Ведь в таком случае прозвище Λαέρτιος носило бы характер шутки. А для шутки следовало бы оставить в неприкосновенности гомеровское Λαερτιάδης (ведь есть же имена с таким окончанием: Ἀσκληπιάδης, Καρνεάδης), а не сокращать его в Λαέρτιος: при уменьшении сходства с гомеровским выражением ослабилась бы и шутка. Для аналогии представим себе, что какому-нибудь Сергею Сергеевичу мы захотели бы дать

¹ Вилиямовиц понимает, конечно, М. Аврелия Клавдия (Готского), который был императором 268—270 гг.; а Антонин Бассиан Каракалла был императором 211—217 гг.—Если основная гипотеза Вилиямовица окажется не доказанной, то, конечно, теряет силу и этот вывод из нее.

² В дополнение к тому, что я сказал в примечании 3 на стр. 206, надо заметить следующее. Вилиямовиц приводит форму Λαερτέζ, т. е. вин. п. от Λαερτέος; такой формы нет у Стефана Виз., да и вообще не существует; вероятно, это недосмотр, или описка со стороны Вилиямовица, или опечатка вместо Λαερτέζ, т. е. вин. п. от Λαερτέος, которое, как я уже сказал выше, поставлено в лексиконе Стефана под словом Χολλεῖδα. Но у Стефана в этом месте порядок слов другой: Δ. ὁ Λαερτέος. Таким образом, у Вилиямовица неточность двойная. Если верно мое предположение, то слова Вилиямовица, *повидимому*, надо понимать в том смысле, что именно форму Λαερτέος, как явно своим суффиксом указывающую на происхождение и всецело противоречащую его гипотезе, он считает конфектурой переписчика, но не возражает против формы Λαέρτιος, которая своим суффиксом—ιος пригодна для его гипотезы.

прозвище «Скалозуб», а вместо этого стали бы называть его «Скалов»; не всякий заметил бы здесь реминисценцию из «Горя от ума».

Против этой гипотезы говорит также и то, что она есть плод фантазии новых ученых, тогда как традиционное понимание основано на показании древнего автора. Как бы мы ни смотрели на дошедшее до нас извлечение из сочинения Стефана Византийского, все-таки показание его должно иметь более авторитета, чем догадка нового ученого, хотя бы это был и Вилиямовиц.

Замечательно еще следующее обстоятельство. Указанное сочинение Вилиямовица помечено 1880 годом, а между тем, как я сказал выше, Крист в 3-м издании своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1898 г., Круазе в своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1899 г., Сандис в своих сочинениях 1903 и даже 1915 г., Кроль в своей книжке 1909 года—держатся традиционного толкования. Как это объяснить? Случайным ли недосмотром или сознательным игнорированием гипотезы Вилиямовица? Думаю, вернее последнее. Круазе, очевидно, знал ее, но считал «более вероятным» традиционное объяснение.

Резюмируя все вышесказанное, я полагаю, что объяснение Вилиямовица и его последователей, хотя и возможно, но менее вероятно, чем традиционное объяснение, и что мы должны и впредь называть Диогена «Лаэртским» или «из Лаэрти». Если кому кажется неблагозвучным слово «Лаэртский», то можно употреблять форму «Лаэртийский», хотя основания для этого нет: ведь говорим же мы «пермский», «сарептский», «голландский» и т. п., также с двумя согласными перед «ский».

Остается сказать о порядке слов в выражении Δαέρτιος Διογένης. Этот порядок слов—необычный: обыкновенно приложение следует за именем лица. Однако бывают исключения, напр., ἐπὶ τῶν ἀδελφῶν Ἀρχιζέξιπυ ἐστρατεύετο (Хер., Апар., 2, 1, 1). В позднейшем греческом языке это еще менее удивительно, напр., Ἀπολλώνιος ὁ Μόλων и ὁ Μόλων ὁ Ἀπολλώνιος (и то и другое у Иосифа Флавия). К тому же почти во всех приведенных выше местах порядок слов правильный: Διογένης Δαέρτιος.

Если бы было доказано, что существовал римский род Laertii, то можно было бы еще предполагать, что наш Диоген был вольноотпущенником кого-нибудь из членов этого рода и получил [это имя как nomen, причем его греческое имя Διογένης стало cognomen; тогда порядок слов Δαέρτιος Διογένης был бы вполне нормальным: имя бывшего господина становилось у вольноотпущенника nomen, а его собственное (рабское) имя cognomen, как Livius Andronicus, Caecilius Statius, Terentius Afer и т. п. Но, так как, повидимому, такого римского рода не было, то предположение о происхождении слова Δαέρτιος от названия римского рода отпадает.

Ближайшим поводом, побудившим меня написать эту заметку, было то, что один ленинградский филолог в рецензии на Историю греческой литературы, изданную Академией Наук СССР, поставил в вину авторам ее употребление названия «Диоген Лаэртский», сказав, что уже доказана неправильность его. Быть может, моя заметка покажет некритическим поклонникам «последнего слова науки», что не всякое последнее слово бывает вернее предпоследнего.